

Ян Гус В ЧЕШСКОЙ МЕЖВОЕННОЙ УТОПИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Анна Вячеславовна Амелина

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский пр-т, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: Anna.v.amelina@mail.ru
ORCID 0000-0002-2700-1076

Аннотация

В статье рассматривается культурно-историческая роль Яна Гуса в утопических построениях чешской межвоенной литературы. В этот период в Чехии наблюдается «волна утопичности», именно утопия (как негативная, так и позитивная) стала чрезвычайно удобным средством для осмысления комплекса проблем молодой Чехословацкой республики, причем в это время отдается предпочтение национальному элементу перед социальным, что характерно и для славянских утопий в целом. Подавляющее большинство корпуса утопических произведений в это время принадлежит перу авторов второго и третьего ряда, но именно у них национальный вопрос выходит на первый план, причем чем проще и примитивнее такие тексты с художественной точки зрения, тем ярче в них выражены коллективные чешские национальные стереотипы. В таких произведениях Ян Гус предстает столпом национальной культуры. В первую очередь в плане духовном, как вдохновитель на строительство мирной и справедливой жизни, где чехи обретают, наконец, свое заслуженное страданиями место как народ, и во вторую — как вдохновитель на военные подвиги. Величие его фигуры для чехов настолько масштабное, что оно разгоняет утопические фантазии чешских авторов до мировой (как минимум культурной) гегемонии или же помогает миру справиться с его главным врагом — немцами. В статье анализируются романы: «Телефонный разговор чеха с обитателем планеты Марс» Й. Мичана (1918), «Гибель человечества» Й. Аканы (1928), «Красное головокружение» А.М. Тихого (1921), «Желтые против белых» В.О. Лучана (1925), «Тысячелетие короля Матгяша» Й. Черноха (1931).

Ключевые слова

Утопия, антиутопия, массовая литература, национальные стереотипы, гуситство, чешская литература, табориты, Первая республика

Статья поступила в редакцию 31 мая 2022 г.

Цитирование: Амелина А.В. Ян Гус в чешской межвоенной утопической литературе // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 88–100. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.05>

JAN HUS IN CZECH INTERWAR UTOPIAN LITERATURE

Anna V. Amelina

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: Anna.v.amelina@mail.ru
ORCID 0000-0002-2700-1076

Abstract

The article deals with the role of Jan Hus in utopian constructions of the Czech interwar literature. During this period, a “wave of utopianism” was observed in the Czech Republic, it was utopia (both negative and positive) that became an extremely convenient means for understanding the complex of problems of the young Czechoslovak republic, and at that time the national element was preferred over the social one, which is also characteristic of the Slavic utopia in general. The overwhelming majority of the of utopian works at that time was written by the authors of the second and third-rate, but it is with them the national question comes to the fore, and the simpler and more primitive from an artistic point of view the texts of such authors were, the more clearly they express collective Czech national stereotypes. In such works, Jan Hus appears as a pillar of national culture. First of all, in terms of spirituality, as an inspirer for the construction of a peaceful and just life, where the Czechs finally find their place as a people, tarnished by suffering, and secondly, as an inspirer for military exploits. The greatness of his figure for the Czechs is so massive that it accelerates the utopian fantasies of Czech authors to world (at least cultural) hegemony or helps the world cope with its main enemy — the Germans. The article analyzes the following novels: “Telephone conversation of a Czech with an inhabitant of the planet Mars” (1918) by J. Mičan, “Death of Mankind” (1928) by J. Akana, “Red Vertigo” (1921) by A.M. Tichý, “Yellows against Whites” (1925) V. O. Lučan, “The Millennium of King Matthias” (1931) J. Černoch.

Keywords

Utopia, antiutopia, mass literature, national stereotypes, Hussites, Czech literature, Taborites, the First republic

Received 31 May 2022

How to cite: Amelina, A.V., 2022. Ian Gus v cheshskoi mezhvoennoi utopicheskoi literature [Jan Hus in Czech interwar utopian literature]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (3–4), pp. 88–100. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.05>

Эпоха между двумя мировыми войнами, с одной стороны, стала золотым веком чешской истории в невиданном до той поры плюрализме культуры. Но с другой стороны, чехи вместе со словаками, получив национальную независимость и создав национальное государство, Чехословацкую республику, столкнулись с новыми для них вызовами внутренней и мировой политики, впервые за долгое время формально выступив субъектом последней.

Демаркация государственной границы происходила в сопровождении военных действий (например, с поляками — Тешинский вооруженный конфликт), проблемно проходило и последующее налаживание связей с ближними и дальними соседями, особенно с СССР, когда чешская политическая элита не могла принять решения об установлении с ним дипломатических отношений. С другой стороны, этнические немцы набирали политическую силу в условиях демократии республики. Все эти процессы и события, попав в передовицы газет, впоследствии находят отражение в публицистике, а вскоре и в художественной литературе, накладываясь при этом еще и на глубокие как личные, так и коллективные, в особенности что касается легионеров, травмы Первой мировой войны. И именно в этот период литературная (анти)утопия становится чрезвычайно популярной.

В 1920-е гг. в чешской литературе поднялась, а в 1930-е гг. откатилась так называемая «волна утопичности»¹. Явление это общеевропейское, однако в западных литературах утопия (имея в виду в нашей работе как позитивную, так и негативную ее разновидность) завоевывает свои позиции уже к XIX в., а в чешской она представлена лишь единичными случаями (русскому читателю они знакомы по книгам С. Чеха о путешествиях пана Броучека на Луну и в XV столетие, а также по романетто Я. Арбеса), поэтому для чешской культуры такая волна стала настоящим феноменом (в рассматриваемый межвоенный период выходит более 40 утопических произведений²). Именно утопия как тип сознания и в то же время форма проявления этого типа сознания — утопия литературная — становятся чрезвычайно удобным средством осмысления комплекса перечисленных выше проблем. С одной стороны, утопические произведения выражают надежды (в позитивных утопиях) и страхи (в негативных) насчет той или иной социально-политической организации общества и идеологии. Важной особенностью чешских (анти)утопий является то, что стержнем их конструкций выступает проблема существования, выживания и организации

¹ *Piša A.M. Vlna utopičnosti // Piša A.M. Směry a cíle: kritické listy z let 1924–1926. Praha: František Svoboda a Solaf Roman, 1927. S. 142–153.*

² Обзор, классификацию и основную проблематику утопических произведений межвоенной Чехии см. в работе: *Machek J. Báječné nové světy, současnost a budoucnost v meziválečné české utopické beletrii // Bude, ako nebolo. Podoby utopického žánru / ed. I. Taranenková, M. Jareš. Bratislava: Ústav slovenskej literatúry SAV; Trnava: Pedagogická fakulta Trnavskej univerzity, 2012. S. 64–89.*

чехов как нации; предпочтение национальному элементу перед социальным характерно и для славянских утопий в целом, что отмечено польским исследователем М. Бобровницкой³. Именно для чехов писатели рисуют идеальное общественное устройство или, наоборот, проецируют в будущее свои страхи за чешскую государственность, связанные, прежде всего, с ненавистными немцами (в подобной роли, впрочем, могут выступать также евреи, реже венгры и поляки⁴).

Многими чешскими историками литературы, в том числе современным исследователем чешской утопии Ярославом Махеком, отмечено, что подавляющее большинство корпуса утопических произведений принадлежит перу авторов второго и третьего ряда, о некоторых из них не сохранилось никаких данных, на многие издания не вышло даже рецензий. Но именно у таких авторов национальный вопрос выходит на первый план, в отличие от «элитарных» писателей-космополитов, в первую очередь К. Чапека. Вместе с тем чем проще и примитивнее с художественной точки зрения тексты таких авторов, тем ярче у них выражены коллективные чешские национальные стереотипы. При этом в признанных высокохудожественных литературных вершинах, то есть в произведениях братьев Чапек, Я. Вайсса, М. Майеровой, И. Гауссмана, если и присутствуют чешский национальный вопрос или национальные фобии, то скорее латентно.

Обращение в массовой утопической литературе к национальному вопросу порой связывается со стремлением утописта привлечь читателя и соответствовать его ожиданиям, то есть здесь усматривается и коммерческий мотив (см. вышеупомянутые работы Махека). Однако можно предположить, что данные авторы (вне зависимости от их ориентации на вкусы массового читателя) тем самым воплощают в своих романах настроения общества в целом и бытующие в нем обыденные представления, страхи и надежды — об этом свидетельствует хотя бы большое количество таких произведений, причем часть из них публиковалась даже за собственный счет. В некоторой степени здесь можно говорить о так называемой народной утопии.

Именно в национально организованном обществе авторы видят свой идеал, отвергая при этом идею всемирного объединения и глобализации. Идеал для них — это нация, данная человечеству от Бога или природы. Антиидеал, напротив, связан у чешских утопистов с поглощением Германией часто в составе интернационального социалистического образования. В идеальном мире Чехия часто становится великой мировой державой, под эгидой которой происходит объединение Европы: иногда это связано

³ *Bobrownicka M. Utopie na ziemiach słowiańskich (Próba typologii) // Utopia w językach, literaturach i kulturach Słowian. T. 2: Z przemian świadomości utopijnej w procesie historycznoliterackim / pod red. B. Czapik-Lityńskiej. Katowice: Wydaw. UŚ, 1997. S. 9–17.*

⁴ Об этом см. работы: *Machek J. Češi jako “predvoj lidstva”. Předastavy o českém národě a jeho sousedech v ideálních světech meziválečné české utopické belterie // Forum historiae. 2012. Roč. 6. № 2. S. 84–100.*

с возникновением благоприятных природных условий или с переселением чехов подальше от немцев, в других случаях чехи становятся отважными воинами и успешно отражают атаки немцев, а бывает, и вовсе их завоевывают. В религиозных утопиях чехи становятся образцом нравственности и ими восхищаются остальные несовершенные народы. Все эти фантазии указывают на вполне имперские амбиции вновь освободившегося малого чешского народа.

В таких произведениях Ян Гус становится маяком, источником вдохновения, фигурой, символизирующей былое величие чехов и направляющей их в славное будущее⁵. Самым в этом смысле ярким и по хронологии ранним произведением является «Телефонный разговор чеха с обитателем планеты Марс» Й. Мичана, изданный в 1918 г. (впервые в 1915 г., но тираж был конфискован). В предисловии автор обращается к чешской общественности: «Чтобы доказать, что незабываемый магистр Ян Гус был истинным Божьим воином и мучеником, нужно пересмотреть Его процесс и перед всем миром реабилитировать. С этой целью была эта книга написана. Пришла мировая война, которая исключила любое высказывание в пользу этого национального святого — и эту невинную книгу запретили! <...> Народ чешский не был тогда единым, его вообще не было. Сейчас все иначе — народ един и для правды открыт. Ну же, к делу!»⁶. Само произведение представляет собой утопическое сочинение, уходящее жанровыми корнями к диалогам Платона и описывающее общество, напоминающее принципами своего устройства уклад таборитов. Сюжет довольно прост: чешскому инженеру удалось дозвониться до Марса и связаться с местным жителем, их беседа и есть содержание идеальной утопической фантазии. Марсианский мир — практически копия земного, там тоже есть страны и нации, и тоже есть город Прага, откуда и ведет свой разговор собеседник земного чеха. Однако марсианский мир по сравнению с земным — более развитый, идеальный. Постепенно восхищенному землянину открываются разные стороны жизни Марса.

Началось строительство нового мира в день 500-летней годовщины сожжения Яна Гуса. Был пересмотрен его процесс, после чего церковь отказалась от всего своего имущества в пользу бедных, а объединенный высшей идеей чешский народ вдохновился примером великого предка, и за церковь последовали все богатые жители Марса — так был создан Фонд Гуса, из которого обеспечивались все нуждающиеся, на эти же средства был учрежден Университет Гуса. С тех пор, словно чудом, чехи стали возрождаться, верующих все прибывало.

На Марсе покончено с научными спорами ввиду полной свободы высказывания, упразднены деньги и золото, а с ними роскошь, бедность, пре-

⁵ Это отмечает и Махек: *Machek J. Češi jako “predvoj lidstva... S. 88.*

⁶ *Mičan J. Telefonická rozmluva Čecha s obyvatelem planety Martu. Karlín: Nákl. vlastním, 1918. S. 2.* (Здесь и далее перевод с чешского наш. — А. А.)

ступность и проституция, все работают, все получают всё необходимое и все равны, нет зависти и нет войн, исчезли болезни. В идеальном мире Мичана церковь не отделена от государства, а учение Христа в системе образования привело просто к чудесным результатам. С упразднением денег и бедности прекратилась и классовая борьба, социализм стал религией, поскольку христианство и социализм — это одна и та же идея: «Гус, церковь католическо-евангелическая, социализм, средние сословия при поддержке чистого реализма и народ сам своей доброй волей построили в короткий срок Царствие божие на планете Марс»⁷.

Чем больше описывает марсианин быт своей планеты, тем больше он напоминает общинную крестьянскую жизнь таборитов: одеваются жители одинаково, по-библейски, больше всего времени они занимаются земледелием, запрещен алкоголь (хотя автор тут же оговаривается, что «Пльзеньский праздрой» в виде исключения оставили), передвигаются они в основном пешком или на велосипеде. Чешские мужчины выглядят как воины эпохи Пршемысловичей, а женщины — как античные красавицы. Основа общества — семья, все женщины выходят замуж. Жители отличаются превосходным здоровьем и радуются жизни. И самое интересное: в отличие от Земли, на Марсе чешская речь — международная, то есть чехи стали мировым культурным гегемоном благодаря учению Яна Гуса.

По окончании разговора землянин предался мечтам о том, как и на его родине Прага станет Новым Иерусалимом, он представляет Яна Гуса, называя его «нашим дорогим», «нашим любимым» и Национальным Святым, и сошедшего с небес Христа, беседующих о судьбе чешского народа, который своей кровью и страданиями заслужил счастливое будущее⁸. Этот краткий диалог свидетельствует о том, что именно Гус, по мнению автора, не только призван привести чехов к мирскому величию, но и приближает их к Богу.

Данный текст демонстрирует классические черты утопического проекта: автор рисует достигнутый идеал общества, не предполагая какое-либо дальнейшее развитие, а история как непрерывный процесс игнорируется в принципе. Кроме того, пожалуй, именно Мичан дает самый амбициозный вариант идеального будущего для чехов — они стали мировым гегемоном и живут в Царствии Божиим на земле «в непрерывной любви от вечности до вечности»⁹, придя к этому при помощи не физической силы, а духовной. Особенностью проекта Мичана также является заимствование уклада гуситских религиозных общин.

Схожие идеи слышатся и в романах с более или менее развернутым сюжетом. В произведении Й. Аканы (1881–?, настоящее имя Йозеф Гольий)

⁷ *Mičan J. Telefonická rozmluva... S. 38.*

⁸ *Ibid.* S. 52.

⁹ *Ibid.* S. 40.

«Гибель человечества» (чеш. *Zkáza lidství*, 1928), как и у Мичана, фигура Гуса сопряжена прежде всего с духовной составляющей создаваемого мира. Об Акане есть некоторые сведения в изданиях о научной фантастике (О. Неффа, И. Адамовича), на его роман вышла рецензия (литературный журнал «Звон»). Будучи автором патентов на технические изобретения, Акана центральным персонажем своего произведения сделал гениального ученого, которому удалось проникнуть в суть материи и полностью овладеть ее силами, став фактически богом в человеческом облики. Эти знания профессор, принявший имя Верус, решил использовать для спасения человечества, предложив последнему или нравственно преобразиться, или перейти к нематериальной стадии существования, стать ближе к Богу, под угрозой полного уничтожения от грядущей всемирной войны. Естественно, люди не вняли его призывам, и Верус строит огромную крепость на Белой горе, где собирает великие умы со всего света трудиться на благо человечества, тем самым сделав Прагу центром мира, вместе с тем избавив местных жителей от нищеты и взяв их под свою защиту. Благодаря своей силе все военные атаки на него он отразил исключительно мирными средствами. Война тем не менее разразилась, но автор заканчивает свою книгу мыслью о грядущем спасении (что должно было быть описано в продолжении романа).

Нравственный пафос у Аканы явно превалирует. В предисловии автор пишет: «Человечество нашей эпохи, при удивительных изобретениях, знаниях и скепсисе, отчаянно мечется в своих слабостях и страстях. Оно ищет успокоение своей души и нервного тела, но ничего не находит. <...> нужно, чтобы человечество изменилось само. <...> я показываю ему этот путь»¹⁰. Делает это Акана художественно не очень искусно, его положительные образы шаблонно идеализированы (в особенности женские в своей добродетели и невинной красоте). Опору, как и Мичан, он видит в Яне Гусе. Белая гора, на которой разместился Верус, у Аканы служит постоянным напоминанием о национальной трагедии, символом боли и войны (автор был на фронтах Первой мировой войны), и эту рану он лечит, своей крепостью он охраняет мир чехов, которые поверили своему богу. Рассуждения о Боге у автора при этом довольно нетрадиционные, Верус становится богом не в христианском понимании, а называется, в частности, буддийским Христом. Христианский Бог у Аканы виновен в войнах, а потому ниспровергается и провозглашается не-Богом¹¹. Однако к Яну Гусу у автора отношение однозначно благоговейное, и мало того, Верус выступает своего рода его реинкарнацией и последователем: «Однажды уже гений народа чешского погиб <...>. Погубили гения нашего, несмотря на всяческую справедливость и право. Их грубая сила победила материю тела гения. Дух гения перешел в его народ <...>. Однако сильные народа этого не пошли с ним, и

¹⁰ *Akana J. Zkáza lidství. Praha: Max Forejt, 1928. S. 5.*

¹¹ *Ibid. S. 119.*

тогда допустили они на землю свою чужеземцев, чтобы те избавили народ от светлых идей. <...> Так и ныне. Великий гений человечества пребывает на Белой горе, где уже однажды народ наш ослабленного духа был повержен грубой силой в рабство»¹²; «отвергните все иллюзии и ложь и живите лишь правдой, как вам завещал гений нашего народа, Гус, за которой шли ваши славные предки»¹³.

В отличие от Мичана, Акана не рисует идеальный мир, по своему объекту изображения роман скорее антиутопия, однако с сильным потенциалом утопии, частично реализованной пока лишь для чехов и планируемой распространиться на все человечество в продолжении романа, так, впрочем, и не опубликованном. Тем не менее, так же, как и у Мичана, у Аканы чех меняет судьбу всего мира, делает Прагу его центром, а сам становится богом, оберегающим соотечественников от войны, вторым Яном Гусом, гением и спасителем человечества. У Аканы мы видим смещение акцента в восприятии Гуса по сравнению с Мичаном — если у последнего Гус иерархически ниже Христа, то у Аканы Гус замещает Христа, принося новую веру. Кроме того, автор делает акцент на уме и гениальности Гуса, отождествляя тем самым мораль и разум. Так же, как и у Мичана, сам Гус в романе Аканы тоже «появляется» — в одной из глав Верус вызывает из прошлого духов исторических деятелей (Христос, Колумб, Наполеон и др.), в случае с Гусом автор изображает сцену сжигания его на костре и передает его предсмертную обличающую проповедь, обращенную к смеющимся над ним людям¹⁴.

Более приземленный взгляд на мир представляет А.М. Тихий (1882–?) в романе «Красное головокружение» (чеш. *Rudá závrat'*, 1921, рецензия вышла в журнале «Цеста» за 1922 г.). Автор — журналист и прозаик, редактор оккультного журнала, так же как Акана, склонный совмещать в своих произведениях научный и мистический компонент, по-видимому, легионер (судя по знаниям русских реалий и русизмам в тексте). Его динамичный, насыщенный событиями роман-антиутопия с отчетливо антинемецким пафосом рассказывает о том, как чехи под предводительством французского интеллигента Тьерсо организовали восстание против социалистического режима Германии, установившегося в результате переворота и войн и принесший для всей Европы, включая Россию, доведенный до абсурда коллективизм, напоминающий большевистский (люди одеты в робы, разрушен институт семьи, женщины живут в колониях, как скот, будучи собственностью государства). Пусковым механизмом восстания был призван стать фильм о Яне Гусе, который собирался снять Тьерсо к 100-летию Ев-

¹² *Akana J. Zkaza lidstvi...* S. 140.

¹³ *Ibid.* S. 296.

¹⁴ *Ibid.* S. 230–231.

ропейской федерации социалистических государств. В Прагу, «каменную сказку, бесценную корону всего славянства»¹⁵, «сердце славянства и лагерь Божьих Воинов, вечно стоящих на страже и готовых к бою со всем миром по первому сигналу так же, как когда-то водил <...> полчища первый величайший демократ и коммунист Европы — Ян Жижка из Троцнова»¹⁶, француз пришел «инсценировать величайшую эпоху истории <...> эпоху гуситскую»¹⁷. В своем обращении к чешскому народу он говорит: «Народ гуситский просто не принял германского социализма, поскольку он уже создал свой — на основах более чистых и благородных»¹⁸.

Восстание удалось, режим пал, однако и после этого Германия не отказалась от гегемонии в Европе и развязала войну, в которой против нее выступил весь остальной мир. Совместными титаническими усилиями славян и Великобритании немецкая машина в итоге была сломлена, и после страшной германской антиутопии появляется красивая утопия славянская, охватившая территорию от Шумавы до Тихого океана: «Сама судьба <...> соединила и сплотила разбросанные ветви славянские в единый ствол, который как раз проходит очищающим огнем страдания, чтобы стать достойным нести тот чудесный плод, чей многообещающий прекрасный цветок был сожжен на границе констанцской. Прага — Табор — Гус — Хельчицкий — Коменский — Толстой! — Какое созвездие!»¹⁹ В новом мире живут чехославы, «величайший культурный народ мира»²⁰, задачами славянства стали «святое богослужение и радостное проявление жизни»²¹. В самом конце романа намечается уже конкретный проект нового мира, в котором Тихий немецкому социализму, воспринимаемому как германизация («Раз Берлину не удалось Европу германизировать, он ее социализировал»²²), противопоставляет гораздо более мягкий его вариант, подразумевающий частную собственность, свой домик и садик, но ограничивающий богатство.

Таким образом, здесь мы снова наблюдаем избранность чехов как спасителей всей Европы, в том числе уже разрушенной до этого большевиками России, под хоругвью Яна Гуса и как собирателей народов славянских, а Европа, в свою очередь, буквально влюбляется в этот храбрый малый народ²³. Интересно, однако, что в предводителе автор выбирает именно француза, с чем, по-видимому, связаны чешские надежды на союзничество Франции, потерявшие впоследствии крах накануне Второй мировой

¹⁵ *Tichý A.M. Rudá závrať. Praha: Šolc a Šimáček, 1921. S. 29.*

¹⁶ *Ibid. S. 31.*

¹⁷ *Ibid. S. 29.*

¹⁸ *Ibid. S. 31.*

¹⁹ *Ibid. S. 279.*

²⁰ *Ibid. S. 315.*

²¹ *Ibid. S. 330.*

²² *Ibid. S. 42.*

²³ *Ibid. S. 221.*

войны, и еще более странно, что именно француз выступает в роли наследника Яна Гуса (его выступления в Берлинском парламенте, куда начали сходить простые люди, вызывает явные ассоциации с проповедями чешского национального героя); почти в той же степени автора можно назвать англофилом.

Тем не менее, по сравнению с Мичаном и Аканой, у Тихого мы наблюдаем изменение роли Гуса: вместо главного святого, нравственного ориентира чешской нации и величайшего гения, он выступает вдохновителем на военные подвиги, чтобы чехи сначала получили национальную независимость, а затем добились и гегемонии. По сравнению с Мичаном, делающим акцент на духовном преображении по заветам Гуса, и Аканой, который сосредоточил внимание на разуме, Тихий более воинственный, он признает необходимость войны как способа достижения свободы и справедливости²⁴.

Среди авторов, вдохновлявшихся фигурой Яна Гуса, можно отметить и В.О. Лучана с его романом «Желтые против белых» (чеш. *Žlutí proti bílým*, 1925). Произведение это проникнуто пацифизмом, как и у Аканы, однако главные положительные герои здесь, к удивлению (поскольку «желтая угроза» в те годы была общим местом), — китайцы, которые, развиваясь вне европейской цивилизации, смогли достичь превосходящего уровня как в технологиях, так и духовном развитии, что позволило им ненасильственным путем захватить мир и своим примером трудолюбия перестроить его по лучшему образцу. Автор считает, что западный мир с его культурой и идеологией, уходящими корнями в римское право, способен только на войну, а «варварский» Китай может Запад преобразить, пусть Вифлеемское чудо рождения Христа ему и неведомо. Взгляд автора на китайцев как на трудолюбивых, любящих своих правителей и высокоморальных людей с лозунгом «Весь мир — китайцам», несомненно, наивен и идеалистичен, что делает его художественный мир утопичным. В какой-то степени на примере китайцев Лучан пытается рационализировать христианскую мораль, сведя ее к логике, и показать, что она может спасти человечество от войны и гибели. Но главное, что автор ценит в китайцах, — это культ труда, именно его они приносят в европейский мир и возвращают к нему обленившихся, заплывших жиром европейцев.

Когда Лучан говорит про потрясения и неурядицы «молодой республики» Китая (у него он стал республикой в начале XX в.) и о том, как китайцы старались сохранить в новом строе свою национальную самобытность²⁵, возникает четкая ассоциация с молодой республикой Чехословакией, что позволяет говорить или о намеренной мысленной подстановке, или, воз-

²⁴ Tichý A.M. Ruda zavrať... S. 126.

²⁵ Lučan V.O. Žlutí proti bílým. Praha: Hudec, 1925. S. 65–66.

можно, о неосознанной. Кроме того, когда автор говорит непосредственно о чехах, часто представляя их в комических сценах и диалогах, где они с юмором воспринимают даже «страшную» китайскую угрозу, он отмечает их важную особенность: «Мы, чехословаки, ни при чем <говоря о войнах> и как народ Гуса — Коменского — Хельчицкого и Масарика — всегда были и остаемся сторонниками решать правовым путем споры, которые до этого решались правом кулака»²⁶. Таким образом, в отличие от других авторов, Лучан в современных чехах не находит достаточного потенциала для спасения мира от войны, он видит спасение за пределами Европы и христианства, но в чешских традициях, в частности гуситских, он обретает моральную опору для новой мирной жизни.

В связи с Гусом можно упомянуть еще книгу моравского интеллигента, редактора журнала «Нашинец» Й. Черноха (1873–1953) «Тысячелетие короля Матьяша» (чеш. *Milénium krále Matěje: román z XXV. století*, 1931), в которой герои перемещаются в 2443 год, когда Моравия становится центром Объединенных государств центральной Европы, где установлен социалистический режим и герои носят русские имена с отчествами. Главный герой не интересуется, как сам признается, идеологией. Для него золотой век — это правление короля Матьяша Корвина, когда в Моравии «жили, как в раю»²⁷, а будущее, в которое он попал, его разочаровывает, новые порядки (или даже кулинария — котлеты из пингвинов) идут вразрез с его традиционными взглядами и набожностью, а снесенные памятники и забытая история города Оломоуца (например, казнь божьих воинов епископом Яном Железным, главным противником гуситов) его печалит, хотя и здесь он находит горстку почитателей Гуса, а Моравия, ставшая центром Европы, вызывает у него патриотическую гордость. «Почему же именно здесь, в городе моих снов, это все проявляется, почему отравляется воздух моего края чешских братьев — врагов обмана и лжи»²⁸, — возмущается герой и в итоге заканчивает книгу словами «Черт возьми утопию»²⁹. Перед нами, по сути, сочетание, с одной стороны, антиутопии, в которой в Моравии водворяется социализм, происходит русификация, а чешская национальная история и культура подвергаются забвению, и с другой стороны, авторского идеала, утопии, восходящей к гуситской эпохе. В данном случае, как например, и у Тихого, Гус является олицетворением национальной истории и традиции. Однако, в отличие от остальных авторов, Чернох смотрит в будущее с пессимизмом, его идеал находится в прошлом, и лишь Ян Гус является той связующей нитью, которая дает надежду на лучшее будущее.

²⁶ *Lučan V.O. Žlutí proti bílým... S. 288.*

²⁷ *Černocho J. Milénium krále Matěje: román z XXV. století. Olomouc: Národní knihtiskárna, 1931. S. 17.*

²⁸ *Ibid. S. 167.*

²⁹ *Ibid. S. 193.*

Рассмотрев все эти произведения, мы можем сделать вывод, что роль Яна Гуса как столпа национальной культуры в утопической литературе первого межвоенного десятилетия чрезвычайно важна. В первую очередь в плане духовном, как вдохновителя на строительство мирной и справедливой жизни, где чехи обретают наконец свое заслуженное страданиями место как народ и живут по законам гуситских общин (Мичан), во вторую — как мыслителя и гения (Акана), и в третью — как вдохновителя на военные подвиги (Тихий). Величие его фигуры для чехов настолько масштабно, что оно разгоняет утопические фантазии чешских авторов до мировой (как минимум культурной) гегемонии или же помогает миру справиться с его главным врагом — немцами, что наглядно иллюстрирует страхи и амбиции жителей молодой чехословацкой республики. В более скромном с точки зрения роли чехов образе будущего духовные заветы Гуса позволяют жить чехам в мире (Лучан), а в более пессимистичной картине с наследием Яна Гуса связывается сохранение культурных и исторических традиций, которые дают надежду на лучшее (Чернох). В самых смелых оптимистических фантазиях авторы вводят в произведения эпизоды с участием самого Гуса (Мичан, Акана), призванные дать напутствие чешским читателям, в этих же произведениях Гус сопоставляется с Христом (Мичан) или даже его замещает (Акана). Отметим, что такая идеализация Гуса и гуситской эпохи характерна не только для утопической литературы, в первую межвоенную декаду его фигура появляется и у «признанных» авторов, однако этот вопрос требует отдельного осмысления и изучения.

Литература

Akana J. Zkáza lidství. Praha: Max Forejt, 1928.

Bobrownicka M. Utopie na ziemiach słowiańskich (Próba typologii) // Utopia w językach, literaturach i kulturach Słowian. T. 2: Z przemian świadomości utopijnej w procesie historycznoliterackim / pod red. B. Czapik-Lityńskiej. Katowice: Wydaw. UŚ, 1997. S. 9–17.

Černoch J. Milenium krále Matěje: román z XXV. století. Olomouc: Národní knih-tiskárna, 1931.

Lučan V. O. Žlutí proti bílým. Praha: Hudec, 1925.

Machek J. Báječné nové světy, současnost a budoucnost v meziválečné české utopické beletrii // Bude, ako nebolo. Podoby utopického žánru / ed. I. Taranenková, M. Jareš. Bratislava: Ústav slovenskej literatúry SAV; Trnava: Pedagogická fakulta Trnavskej univerzity, 2012. S. 64–89.

Machek J. Češi jako “predvoj lidstva”. Předastavy o českém národě a jeho sousedech v ideálních světech meziválečné české utopické belterie // Forum historiae. 2012. Roč. 6. № 2. S. 84–100.

Mičan J. Telefonická rozmluva Čecha s obyvatelem planety Martu. Karlín: Nákl. vlastním, 1918.

Píša A.M. Směry a cíle: kritické listy z let 1924–1926. Praha: František Svoboda a Solař Roman, 1927.

Tichý A.M. Rudá závrať. Praha: Šolc a Šimáček, 1921.

References

Akana, J., 1928. *Zkáza lidství*. Prague: Max Forejt.

Bobrownicka, M., 1997. Utopie na ziemiach słowiańskich (Próba typologii). In: B. Czapiak-Lityńska, ed., 1997. *Utopia w językach, literaturach i kulturach Słowian*. Vol. 2: *Z przemian świadomości utopijnej w procesie historycznoliterackim*. Katowice: Wydaw. UŚ, pp. 9–17.

Černoch, J., 1931. *Milenium krále Matěje: román z XXV. století*. Olomouc: Národní knihtiskárna.

Lučan, V.O., 1925. *Žlutí proti bílým*. Prague: Hudec.

Machek, J., 2012. Báječné nové světy, současnost a budoucnost v meziválečné české utopické beletrii. In: I. Taranenková, M. Jareš, eds, 2012. *Bude, ako nebolo. Podoby utopického žánru*. Bratislava: Ústav slovenskej literatúry SAV; Trnava: Pedagogická fakulta Trnavskej university, pp. 64–89.

Machek, J., 2012. Češi jako “predvoj lidstva”. Předastavy o českém národě a jeho sousedech v ideálních světech meziválečné české utopické belterie. *Forum historiae*, 6 (2), pp. 84–100.

Mičan, J., 1918. *Telefonická rozmluva Čecha s obyvatelem planety Martu*. Karlín: Nákl. vlastním.

Píša, A.M., 1927. *Směry a cíle: kritické listy z let 1924–1926*. Prague: František Svoboda a Solař Roman.

Tichý, A.M., 1921. *Rudá závrať*. Prague: Šolc a Šimáček.